

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 13

1954

**Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ
и М. СЛОБОДСКОЙ**

ПОХОЖДЕНИЯ ПЕТУХОВА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ и М. СЛОБОДСКОЙ

ПОХОЖДЕНИЯ ПЕТУХОВА

САТИРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1954

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ и М. СЛОБОДСКОЙ

Владимир Абрамович Дыховичный родился в 1911 году в Москве. После средней школы окончил в 1931 году Московский геологоразведочный институт. Работал инженером-геологом в Донбассе, на Кавказе и на Памире. Потом пять лет работал актером.

В 1940 году написал первую пьесу — комедию «Свадебное путешествие» — и начал печататься в журнале «Крокодил». С тех пор пишет пьесы, стихи и фельетоны.

В годы Великой Отечественной войны сотрудничал во фронтовой печати, на Северном и Балтийском флотах. Награжден орденом Красной Звезды.

Морис Романович Слободской родился в 1913 году в Петербурге. Окончил среднюю школу в Москве. Работал в типографии в качестве печатника, затем уехал на строительство Бобриковского химкомбината. В 1934 году вступил в комсомол, в 1943 году — в члены КПСС.

Впервые выступил с очерками, стихами и фельетонами в 1932 году.

Выпустил до войны совместно с А. Раскиным две книги литературных пародий и фельетонов, писал пьесы.

Во время Великой Отечественной войны работал в редакции газеты Западного фронта в качестве корреспондента. Награжден орденом Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

В годы войны написал сатирическую повесть «Новые похождения бравого солдата Швейка» и книгу сатирических стихов «Четвертая страница». После войны выпустил книгу сатирических стихов «Крик души».

С 1945 года Вл. Дыховичный и М. Слободской работают в соавторстве. Ими написаны комедии «Факир на час» (1945), «Человек с того света» (1947), «Три опровержения» (1949), «Где эта улица, где этот дом?» (1953) и другие. Выпущены сборники сатирических стихов и фельетонов «Дорожные знаки», «Кто сеет ветер», печатаются стихотворные фельетоны и сатирические рассказы.

БУМЕРАНГ

1

За окнами кабинета директора Энской швейной фабрики свистела и хлюпала поздняя осень. Шуршали непромокаемые плащи и опадающие желтые листья. Пахло сыростью и антоновкой. В застекленных витринах расклеивали журнал «Крокодил» с рисунками, изображающими урожай в виде толстого веселого снопа с пшеничными усами. Газеты критиковали Управление рыбной промышленности, отмечая недостатки осенней путины...

Одним словом, за окнами стояла осень, а на душе хозяина кабинета Семена Даниловича Петухова и его гостя, только что прибывшего издалека под дядюшкину опеку петуховского племянника, было по-весеннему тепло и солнечно.

Филипп Васильевич Варенников, больше известный дяде под детским именем Фика, привез Петухову рекомендательное письмо от родителей. Фикина мама характеризовала Филиппа как необычайно способного мальчика и просила дать ему возможность работать под чутким дядиным руководством.

Петуховы всегда держались кучно. Это было традицией семьи. На любой работе они избегали одиночества и чужих людей.

Для порядка дядя спросил, нет ли у племянника какой-нибудь характеристики или рекомендации с последнего места работы.

Рекомендации у скромного Фики не оказалось.

— Я думал, что вы, дядя, сами могли бы меня рекомендовать... — обиженно пожал плечами Варенников и поднял на дядю свои томные глаза, по форме похожие на сливы, но жирным блеском напоминающие скорей маслины.

— Не зная человека как работника, я ему рекомендаций не даю! — строго буркнул Петухов и отправил племянника в свой отдел кадров оформляться на должность заведующего снабжением и сбытом.

2

Прошло полгода...

Теперь за окнами петуховского кабинета бушевала весна. Звенели ручьи и первые велосипедисты. Пахло оттаивающей землей и свежей предпервомайской краской заборов.

В «Крокодиле» пестрели карикатуры на опоздание с ремонтом тракторов. Газеты ругали предприятия рыбной промышленности за отставание весенней путины.

За окнами все свидетельствовало о приходе весны, и лишь в самом директорском кабинете Энской швейной фабрики царило мрачное, осеннее настроение.

— Сукин сын, племянник!.. Сукин сын, племянник!..

Эту несколько туманно определяющую степень родства фразу со злостью повторял хозяин кабинета Семен Данилович Петухов. Он бежал из угла в угол и размахивал перед носом смущенного Варенникова свежим номером энской газеты, третью страницу которой украшал фельетон, посвященный деятельности Филиппа Васильевича.

Состояние директора швейной фабрики было понятно и даже простительно. Только что вернувшийся в Энск после вызова в центр Петухов уже по дороге с автобусной станции стал свидетелем таинственной, почти детективной истории.

Выйдя со станции и неторопливо направившись домой, Семен Данилович обратил внимание на странное поведение маленького ребенка в невнятно оранжевом пальто с капюшоном, напоминающим колпак сказочного гномика. Ребенок этот все время бежал впереди Петухова, то и дело забегая в какие-нибудь ворота и выбегая из следующих.

Петухова немного удивило, что маленький человек убегает один так далеко от дома. Но тут оранжевый гномик выкинул совсем сказочный трюк: забежав очередной раз в ворота с правой стороны улицы, он всего через минуту выбежал из подъезда дома, находившегося по левой стороне. Петухов не успел подивиться прыткости ребенка, обещавшего, видимо, где-то сзади него, как его поразила новая шалость быстрого гномика. Оранжевый ребенок забежал в соседний двор и через минуту вышел хоть и из тех же ворот, но зато явно раз-

двоившись! По улице шагали рядом два совершенно одинаковых оранжевых гномика.

Вспомнив о выпитом с попутчиками грузинском вине № 20, Петухов стыдливо потупился, покраснел и отвернулся от раздвоившегося малыша.

Но не прошел он и ста шагов, как увидел в скверике двух женщин, окруженных уже четырьмя оранжевыми гномиками, похожими друг на друга, как четыре капли воды.

Такого сильного действия одна бутылка двадцатого номера оказать, конечно, не могла, поэтому Петухов остановился около этой загадочной группы и попытался выяснить причины таинственного размножения оранжевых гномиков.

То, что он услышал, повергло его в гнев и недоумение.

— Это все наша швейная фабрика, — объяснила ему одна из матерей. — Представьте себе, выпускает детские пальто только оранжевого цвета! В сумерки даже мы, матери, путаемся. Я дважды по ошибке чуть не привела с бульвара домой чужих детей!

— В городской газете уже и фельетон про это напечатан, — добавила мать второй пары оранжевых близнецов.

Взволнованный Петухов заспешил на свою фабрику. Он отлично помнил, что, уезжая, оставил пошивочному цеху для детских пальто сукно шести разных цветов.

На фабрике Петухова ждало ошеломляющее известие.

Назначенный им на пост заведующего снабжением предприимчивый Фика ухитрился оставить фабрике только оранжевое сукно, спустив все сукно остальных цветов Энской бильярдной мастерской в обмен на два роскошных бильярдных стола. Установив бильярды в красном уголке швейной фабрики, он провонил там все служебные часы.

— Дядя, я больше не буду... — уже второй час тупо твердил Фика, и из страдальчески поднятых глаз его струилась одновременно и сладость слив и маслянистая горечь.

— Нет, ты не мой кадр! Проявил я кумизм, и хватит! — возмущенно кричал Петухов. — Ты думаешь, если у тебя «рука» есть, так ты удержишься, что бы ни натворил? Нет, брат, современных законов равновесия не знаешь! Ты сам эту «руку» в болото тащишь! Довольно, племянничек! Пошел-ка ты вон по собственному желанию!..

— По вашему собственному желанию или по моему? — осторожно осведомился племянник.

— По твоему... — смилостивился дядя.

— Но я получал на этой работе материально-эстетическое удовлетворение... — в отчаянье захныкал Фика. — Где я теперь найду такое место? Меня ж не возьмут, дядя!..

— Возьмут. Я тебе характеристику дам! — прикрикнул Петухов. — Я тебе такую характеристику напишу, что тебя с руками оторвут, чтоб мне тебя не видеть больше!.. Это просто не по-родственному! — все больше краснел от возмущения Семен Данилович. — Если уж тебе непременно нужно кого-нибудь подводить, то подводи чужого человека, а не родного дядю!

И Петухов сел писать, продолжая выговор:

— Сам во всем виноват!.. Блат!.. Разбазаривание!.. Ты ж, как муравей, — больше себя тащишь! Под суд тебя за это мало отдать!..

А рука его привычно строчила: «Тов. Варенников проявил себя как честный, добросовестный работник и...»

Фика покорно вздыхал и, глядя через дядино плечо своими сливово-маслиновыми глазами, с удовлетворением перечитывал строки, выводимые четким петуховским почерком:

«...дисциплинированный, морально подтянутый. Рекомендую на самостоятельную работу...»

Петухов дописал, расписался и, протянув бумажку племяннику, сказал:

— Иди, подлец! Проявляй свои способности, но, смотри, не попадайся.

— Дядя, вы мне делаете больно! — подмигнув Петухову повеселевший племянник и, бодро повернувшись, ушел по собственному желанию...

3

За окнами кабинета управляющего райпромкомбинатом сияло лето. Звенели комары и телефоны. Пахло свежим сеном и жареным асфальтом. В витринах висел «Крокодил» с карикатурами на нехватку газированной воды. Газеты критиковали рыбную промышленность за невыполнение плана летнего лова.

Словом, за окнами стояло лето, в то время как в самом кабинете бушевал свирепый, чисто зимний шторм.

Переброшенный после скандала с сукном на должность управляющего промкомбинатом, Петухов не успел вернуться из своего первого отпуска и подписать сводку о выполнении месячного плана по комбинату, как уже получил выговор за

приписку пятидесяти одного процента к отчету обозных мастерских.

Петухов отлично помнил, что он только округлил представленную сводку с 95 процентами выполнения плана до 100 процентов. В его представлении это было скромным и естественным актом, привычным еще со времени работы на швейной фабрике.

Но откуда же образовался разрыв еще в сорок шесть процентов?

Он приказал вызвать начальника обозных мастерских Кузина, но ему доложили, что Кузин болеет и его уже месяц заменяет новый, принятый в отсутствие Петухова работник.

— Кто этот работник?

— Филипп Васильевич Варенников...

Семен Данилович рухнул в мягкое кресло, издавшее печальный гитарный звон.

— Я не виноват, дядя... — меланхолически поднял на Петухова свои плодоягодные глаза введенный в кабинет Фика. — Я приписал только с 82 процентов до 95. Остальное — ребята.

— Какие ребята? — насторожился Петухов.

— Корешки! Я штат обновил, дядя... — скромно потупившись, признался племянник. — Дивные ребята! Но уж очень дружно навалились. Я ж не знал, что Федька-зам кружок доделал — с 62 на 82. А он тоже не думал, что Косой Севка с 49 на 62 процента махнет!..

— Сейчас же подавай заявление об уходе! — закричал дядя, схватив племянника за грудь оранжевого пиджака, сшитого из остатков детского сукна на швейной фабрике. — Подавай заявление! Я тебе такую характеристику напишу — пальчики оближешь! На выгоднейшее место попадешь! Только уходи отсюда, не губи дядю!

Так как Варенников ради выгоды способен был на самые благородные поступки, то он согласился и покорно покинул стены негостеприимной конторы.

4

За окошком закутка заведующего столовой № 2 покрывала веселая зима. Скрипел снег под полозьями саней и подошвами прохожих. Аппетитно пахло дымком. С обложки висевшего в застекленной витрине «Крокодила» румяный дед Мороз с сердитыми ватными усами напоминал о подготовке к заносам. Газеты указывали рыбакам на затяжку ремонта тралового флота.

На улице, судя по всем приметам, была зима, а в закуске заведующего столовой № 2 гремела яростная, чисто летняя гроза с градом упреков и громом ругательств.

Эти громы и молнии метал старый наш знакомый Семен Данилович Петухов, снятый с работы в райпромкомбинате за приписку к отчетам и брошенный для исправления в городской трест столовых и кафе.

— Ты что ж это, сукин сын? — кричал он. — Ты что ж это, подлец?.. Опять?..

В этом «Опять?» было все: и ненависть к этим томным, меланхоличным глазам профессионального жулика, и бессильная ярость, вызванная тем, что в подведомственной теперь Петухову столовой № 2 вместо делового и честного Ястребова, выдвинутого в гортгорготдел, каким-то чудом оказался директором Фика Варенников, и, наконец, ужас перед грудой жалоб посетителей в адрес фикиной столовой, жалоб, еще не просмотренных Петуховым, но одним видом своим повергавших его в трепет.

— Опять? — грозно повторил Петухов, еще не зная точно, в чем следует сегодня обвинять племянника, но уверенный, что материал для обвинений уже есть.

— Дядя, вы меня поймали с наличными... — сразу признался племянник. — Но давешний розмарин мы пустили по цене высшего сорта из чисто эстетических соображений. Уж очень хорош был фрукт!

— Пересортица?! — ахнул дядя и закрыл лицо руками.

— А вы разве не про яблоки? — удивился Фика. — Ну, тогда, дядя, я не узнаю вас. Эта история с капустой-провансаль не должна вас волновать. Мы с Косым вылили в нее всего три ведра воды. Капуста так смешно всасывает воду...

— Значит, и с капустой тоже?! — схватился за голову Петухов.

— А вы про капусту разве не знали?.. Ах, стало быть, вы про эту списанную бочку пива? — начал было Варенников. — Так ведь надо же учитывать федыкины расходы: у него же одних детей два человека!..

Но Петухов перебил его.

— На этот раз с меня довольно! — в исступлении закричал он. — Выбирай: либо я отдаю тебя под суд, либо ты сейчас же скажешь, каким дьявольским способом ты в мое отсутствие устраиваешься ко мне на работу...

— Это же очень просто, дядя! — радостно воскликнул Фика, и в глазах его загорелись веселые, жирные огоньки. — Я же

предъявляю ваши характеристики, которые вы мне дали. Как меня могут не взять ваши подчиненные, когда вы сами пишете, что я честный, добросовестный и морально чистый?!

Петухов съежился, как от удара, потом несколько распрямился и, разорвав предъявленные племянником характеристики, сел к столу и быстро застрочил. Через десять минут он показал Фике две бумажки. На одной значилось: «Предъявитель сего Ф. В. Варенников проявил себя как способный, инициативный вор. Имеет опыт развала любой работы. Рекомендуются изгонять его из каждого учреждения».

— Вот, — сказал Петухов, — либо ты получаешь здесь на руки первую характеристику либо сейчас же уезжаешь в другой город и тогда получаешь там эту, вторую рекомендацию. Но только по почте! Выбирай!

— Лучше по почте... — криво усмехнулся Фика. — Так приятно получить в чужом городе весточку от близкого родственника!..

Племянник вышел, не прощаясь.

Петухов успокоенно улыбался.

На сей раз его оборотистый племянник — этот упорно возвращающийся бумеранг — был заброшен так далеко, что можно было надеяться: больше он не вернется.

И все же с тех пор, куда бы судьба и вышестоящие инстанции ни забрасывали Петухова, каждый раз, принимая дела или возвращаясь из отпусков и командировок, Семен Данилович на всякий случай с тревогой заглядывал в список сотрудников своего учреждения, проверяя, не появилась ли там за это время роковая фамилия его неистребимого племянника.

СИНЯЯ ПТИЧКА

Все смешалось в Горпромторгпродтехснаббыткоопинсоюзе... Еще недавно в этом возглавляемом Петуховым учреждении царил стройный и красивый порядок.

Мы не будем рассказывать о том, чем занимался «Горпромторг... и так далее... союз». Сущность его деятельности не имеет прямого отношения к той поистине трагической истории, которая произошла с главой этого учреждения — Семеном Даниловичем Петуховым.

Неприятности у Семена Даниловича начались с самого утра.

Предгорсовета Макаров вызвал Петухова к себе и сделал ему устный выговор. «Снял стружку», — как говорил Семен Данилович.

Он спросил у Петухова, как он, Петухов, думает: должен ли он, Петухов, решать сам подведомственные ему, Петухову, вопросы, или кто-то должен продолжать принимать решения за него, за Петухова?

Догадливый Семен Данилович ответил, что он давно собирался начать самостоятельно решать все вопросы, но ожидал по этому поводу какой-нибудь установки сверху.

Предгорсовета как-то не очень добродушно усмехнулся и сказал, что установки Петухову ждать не надо.

Семен Данилович покорно кивнул, но про себя подумал, что это и есть установка.

Пытаясь скрыть испуг, он торопливо попрощался и заспешил к себе в учреждение.

Следующий удар ожидал Петухова в его собственном кабинете. На письменном столе Семена Даниловича лежал возвращенный из горсовета список сотрудников петуховского учреждения. Список накануне был затребован Макаровым на предмет просмотра штатов, которые Семен Данилович имел привычку раздувать, пристраивая к делу свою неумную родню.

По штатам никаких указаний пока дано не было. Список был возвращен чистым, и Семен Данилович хотел было уже отложить его в сторону, как вдруг с ужасом заметил, что около значащейся под семьдесят третьим номером фамилии скромного плановика Яблочкина синим карандашом председателя горсовета была почему-то поставлена большая размашистая галочка.

Тонко развитым канцелярским нюхом Петухов сразу учуял опасность.

Синяя галочка равно могла являться и знаком начальнического одобрения и выражением порицания Яблочкину. Если понимать птичку как знак одобрения, то Яблочкина надо немедленно как-то стимулировать. Если же она была поставлена в знак порицания... Что же все-таки имел в виду председатель горсовета, когда ставил свою синюю птичку?

Раньше все было бы просто: позвонил бы он этому самому начальству и под предлогом коллегиальности попросил

установки. А теперь попробуй он, позвони — начальство непременно предложит ему высказать собственное мнение.

«Мнение!.. Мнение!.. — тоскливо повторил про себя Семен Данилович. — А откуда я знаю, какое у меня мнение?»

Расстроенный Петухов вышел из кабинета и дважды медленно прошел мимо Яблочкина, пытаясь изучить вопрос, так сказать, на месте, путем личного наблюдения.

В первый раз ему представилось, что устремленный в сторону задумчивый взгляд плановика, пожалуй, свидетельствует о внимательном отношении Яблочкина к делу; привычка заваливать свой стол огромным количеством бумаг говорит о прилежании, а манера резко откидывать назад волосы как бы выдает энергичность характера. Стало быть, скромный Яблочкин непременно заслуживал поощрения.

Осматривая своего плановика во второй раз, Петухов попробовал взглянуть на эту загадочную личность с другой стороны — и вывод получался несколько отличный от первого.

Манера встряхивать волосами могла быть истолкована как обыкновенный тик. Рассеянный, обращенный в сторону взгляд, по всей вероятности, доказывал элементарное отлынивание от работы. И уж, конечно, заваленный бумагами стол свидетельствовал о полном неумении организовать свой труд. Таким образом, синяя птичка означала необходимость взыскания.

Получалось черт знает что такое!

Петухов заперся в кабинете и попробовал автоматически написать справку-характеристику своему загадочному плановику. Так он часто поступал с каким-нибудь словом, когда забывал, как оно пишется: он пробовал написать его механически, не задумываясь, и обычно автоматика оправдывала себя.

Так избегал он орфографических ошибок. Так он надеялся сейчас избежать ошибки в руководстве вверенным ему учреждением.

Семен Данилович встряхнул ручку и с привычной легкостью вывел бессмертный канцелярский оборот:

«Дана сия т. Яблочкину в том, что он...»

На этом месте Петухов остановился. В чем же дана «сия»? Нервно шагая по кабинету, он заглянул в окно.

Звонкий летний день показался Петухову мрачным и злобещим.

В прозрачном воздухе неподвижно висели галки. Как будто чья-то неумолимая рука расставила в небе бесконечное ко-

личество птичек. И Семену Даниловичу невольно подумалось: а что если б на каждую из них ему предложили немедленно самостоятельно реагировать?!

Подойдя к двери, Петухов отдернул портьеру и через стекло с ненавистью посмотрел на усердно трудившегося плановика.

— Подлец ты, подлец!.. — вслух подумал он. — Хоть бы ты действительно пьяницей был или новатором, что ли!.. А то ведь не разберешь...

Перед окончательным решением вопроса Семен Данилович счел необходимым воспользоваться обеденным перерывом и вздремнуть для освежения мозгов. Измученный Петухов запер дверь, положил голову на стол, как на плаху, и заснул.

Сон его был беспокойным, а кошмары — тематически направленными.

То снилось, что в его кабинет входят сразу два Яблочкина. Он долго беседует с близнецами, и Яблочкины признаются, что один из них преступник-рецидивист, а другой — ответственный работник, Герой Труда и даже почему-то заслуженный деятель искусств. И ему, Петухову, надлежит самому определить, кто из них рецидивист, а кто — заслуженный.

Потом Петухов с ужасом увидел во сне, как он наносил себе удары по темени каменным пресс-папье. На столе перед ним лежал бланк с грифом «Служебная записка», на котором его рукой было написано: «В смерти моей прошу никого не винить. И. о. директора С. Петухов», — и сбоку стояла чья-то резолюция:

«С 27.V с. г. полагать т. Петухова С. Д. покончившим с собой по собственному желанию».

Проснувшись, Петухов действительно обнаружил у себя в руках пресс-папье, которым он механически промакал холодный пот, в изобилии выступивший у него на лбу.

Семен Данилович взглянул на роковую синюю галочку, по-прежнему красовавшуюся около фамилии Яблочкина, и затосковал. Печально перевел он глаза на знакомый пейзаж. Напротив, на шпиле старинного купеческого дома, железный петушок с невеселым скрипом поворачивался на ветру. В наступившем вдруг предгрозовом полумраке петушок тоже показался Семену Даниловичу неугомной и требовательной синей птичкой.

Больше откладывать самостоятельное решение было невозможно.

Петухов вызвал в кабинет секретаршу и решил продиктовать ей приказ о премировании плановика Яблочкина.

— За отличные показатели в работе объявить т. Яблочкину... — неуверенно продиктовал Семен Данилович и задумался.

— Я напечатала, — обернулась к нему секретарша, — «объявить ему...». Дальше?

— Объявить ему... выговор с последним предупреждением, — решительно закончила Петухов.

— Как-то негладко получается, — с сомнением покачала головой секретарша, перечитывая текст приказа. — «За отличные показатели в работе объявить т. Яблочкину выговор...»

— А если вычеркнуть отличные показатели? — с тоской спросил Петухов, но в это время в кабинете появился сам Яблочкин, пришедший за какой-то служебной справкой.

— Что ж это ты, товарищ Яблочкин? — несколько неопределенно, но достаточно строго спросил Петухов, с внезапной надеждой на то, что Яблочкин сам признается, если знает за собой какую-нибудь вину, угаданную начальством.

— А что? — в свою очередь спросил плановик, и в глазах его светилась разочаровывающая Петухова невинность.

— Яблочкина по телефону спрашивают... — раздался голос секретарши.

— Подождут! — рявкнул Семен Данилович.

— Это из горкома, — пояснила секретарша, — товарищ Авдеев звонит насчет воскресных соревнований по теннису.

— Подождут... — уже мягче сказал Петухов. — Подождут наши с вами разговоры, Александр Иванович. Идите, поговорите с товарищем Авдеевым...

«В мячик играет! — с ужасом подумал Петухов, вытирая на этот раз горячий пот. — Лично с руководством в мячики играет! Это оборотень какой-то!! — почти вслух закричал он. — А я собирался его понизить. Его надо выдвигать на руководящую работу!»

Когда Яблочкин вернулся в кабинет, Петухов встретил его стоя. Он сиял. Он излучал доброжелательность. Он готовился преподнести Яблочкину несколько наилучших должностей на выбор.

Но неосмотрительный плановик сам вырыл себе яму.

— Ох и ругался Авдеев! — усмехаясь, сказал он.

И плановик хотел рассказать, как его старый партнер Авдеев сердился на него за то, что он вчера не пришел на по-

следнюю тренировку перед соревнованием, но Петухов величественно остановил его рукой.

«Ругали его! — радостно отметил про себя Семен Данилович. — А мы его выдвигать будем? Нет, голубчик!» Теперь Петухову все было ясно: наивный плановик сам обнародовал мнение начальства о нем.

— Так вот, Яблочкин, — строго сказал Семен Данилович. — Я вынужден вас уволить!

— Как уволить? — опешил Яблочкин. — За что?

— Не растете вы как-то... — повел плечами Петухов и уже строго прикрикнул: — К тому же очковтирательством занимаетесь!

— Почему очковтирательством? — еще больше удивился Яблочкин.

Накопившаяся в душе Петухова злоба против терзавшей его весь день синей птички прорвалась и обрушилась на беззащитного теперь Яблочкина.

— А потому, — загремел Петухов, — что за хорошего работника себя выдаете! В заблуждение вводите!.. Идите, сдавайте дела!..

— Я обжалую ваше решение, — обиженно предупредил Яблочкин. — Я считаю его необоснованным.

— Обязательно! — на всякий случай быстро согласился Петухов. (Вдруг у Яблочкина где-нибудь «рука» есть.) — Ты борись! Ты настойчиво борись! — уже почти упрашивал он. — Я-то обязан тебя уволить: сигналы имею. Должен реагировать... Но ты не оставляй этого дела. А если восстановят тебя, только рад буду!.. Ей богу, рад!..

И он почти дружески проводил Яблочкина из кабинета. Он был доволен. Синяя птичка временно перестала клевать его истерзанную душу.

...И все же не ощутил Петухов желаемого покоя. Вскоре тревога вернулась к нему. Он попрежнему нервно поглядывал в окно, где на высоком шпале все быстрее кружилась под крепчавшим ветром железная птичка.

«Крутишься!.. — недовольно думал Семен Данилович. — Куда ветер, туда и ты?»

Разбегавшиеся мысли прервал телефонный звонок.

— Что у вас там происходит с Яблочкиным? — раздался в трубке строгий голос председателя горсовета. — Мне ваши сотрудники сейчас жаловались...

«Вот оно!.. Начинается! Но что начинается? Эх, была не была!» — И Петухов начал осторожно докладывать, остано-

ливаясь после каждой фразы и пугливо поворачивая на ходу, когда ему казалось, что он улавливает в интонации Макарова неодобрение его решений.

— Вы не беспокойтесь, Алексей Сергеевич, — залепетал он. — Я уже все решил!

— Что же вы решили?

— Я этому Яблочкину спуску не дам!.. Когда человек так работает, как он, его нужно решительно...

— Что нужно?

— Его нужно решительно... послать на курорт! — Неожиданно закончил Семен Данилович и даже слабо хихикнул, чтобы доказать, что странный оборот его фразы был только шуткой.

— На курорт?

— Ну да... — Семен Данилович сделал паузу, но трубка молчала. — Ну да... Это он так считает... А я... я лично считаю, что уволить мало...

— Уволить? — трубка была явно удивлена.

Петухов заметался на проводе, как овчарка на привязи.

— Я говорю: уволить мало... таких работников, которые мешают росту товарища Яблочкина...

— Погодите! Хотелось бы все-таки, чтобы вы точнее сформулировали свое мнение. И кстати, что, у вас два Яблочкиных, что ли?

— Два! Два! — обрадованно закричал в трубку Петухов, пораженный тем, что председатель горсовета сумел проникнуть в его сны. — Двое их! — почти в испуге подтвердил он.

— Действительно двое? — переспросил Макаров. — А я думал, это опечатка в списке. Два Яблочкиных; имена и отчества совпадают, и оба — плановики! Я там даже заметку поставил.

Петухов схватил список. В самом деле, под семьдесят третьим номером машинистка дважды напечатала злополучного Александра Ивановича Яблочкина!

Так, значит, роковая синяя птичка, безжалостная мучительница Петухова, означала лишь техническую опечатку! И, следовательно, все пережитое было зря пережито, и все проделанное напрасно проделано?!

— В этом смысле у нас один Яблочкин, — затрепыхался Семен Данилович. — Вы меня неверно поняли, Алексей Сергеевич! То есть я вас сперва не понял. А ваша синяя птичка...

— Я вас и сейчас не понимаю, товарищ Петухов, — сухо перебил его Макаров. — А что машинистка напечатает, прове-

рять надо. Разберитесь, что произошло с товарищем Яблочкиным...

— Да, да!.. — закричал Семен Данилович. — Я обязательно... я все самостоятельно решу! И Яблочкина самостоятельно восстановлю... и машинистку с предупреждением... Я... — но в трубке уже что-то щелкнуло, и сразу запищали насмешливые, словно передразнивающие Петухова частые, высокие гудки.

Совершенно разбитый Семен Данилович подошел к окну.

На шпиль старинного здания, жалобно повизгивая, все быстрее и быстрее вертелась железная птичка.

«Знаю, знаю, почему ты крутишься, — невесело подумал Семен Данилович. — На такой высоте разве удержишься? Да еще при движении воздуха!.. Согнет тебя, собьет, сдует с вышины!.. И нет тебя! А так вертись — держись».

Петухов вернулся к столу, с опаской поглядел на список сотрудников своего учреждения, и ему показалось, что около его собственной фамилии, значившейся в списке под номером первым, начала появляться пока еще прозрачная, но уже неотвратимая, роковая галочка...

«К НАМ ПРИЕХАЛ РЕВИЗОР!»

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие...

— К нам едет ревизор?

— Только вчера в кино смотрели!

— Вижу, что помните классику, — усмехнулся директор совхоза Алпатов. — Но, дорогие товарищи, самое смешное, что к нам действительно прибыл ревизор, действительно остановился в Доме приезжих и действительно почему-то инкогнито — вчера приехал и до сих пор не заявляется. Впрочем, это — его дело. А теперь перейдем к текущим делам. Как с ремонтом кормокухни, Андрей Петрович?

А приехавший ревизор — Семен Данилович Петухов — в это время весело фыркал под душем за фанерными ширмами в садике Дома приезжих.

Собственно, профессиональным ревизором Семен Данилович не был. И как управляющий Горпромторгпродтехснабсбыткоопинсоюзом он никакого отношения к районным совхозам не имел. Однако переутомленный заседаниями город-

ской организм властно требовал сельского отдыха, и опытный Семен Данилович сам выпросил в райисполкоме эту удобную инспекционную командировку.

Умывшись и выпив кружку пустого чаю, чтобы не портить себе аппетита перед неизбежным парадным завтраком, Семен Данилович устроился в холодке на скамеечке перед Домом приезжих. Предвкушая райскую ревизорскую неделю, он стал ждать появления совхозного начальства с приглашением откусать и программой милых сельских развлечений.

Однако никто не появлялся.

Семен Данилович подождал еще полчаса и, посетовав на неоперативность совхозного начальства, неторопливым, прогулочным шагом двинулся в контору.

Летний день звенел и сиял. У речки шопотом сплетничали камыши. В ослепительно голубое небо вслед за своей песней ввинчивался жаворонок.

Петухов умильно поглядывал на тучные луга, на которых то там, то сям паслось жаркое и заливное. Золоченый теленок с прекрасными лиловыми глазами стоял на своих разъезжающихся телячьих ножках, дрожащих и непрочных, как будущий холодец из них. Гуси хлопали себя по бокам и демонически гоготали над Петуховым, по всей вероятности, ошибочно предположив, что он будет жарить их без яблок и капусты. Поросянок деловито рыл пяточком землю, словно торопился выкопать хрен, под которым он будет лежать перед Семеном Даниловичем.

Из-под забора обиженно твякнула собака и тут же скрылась, стесняясь своей несъедобности.

Разомлевший и счастливый, входил Семен Данилович в контору.

Руководители совхоза очень ловко притворились, будто они рады приезду ревизора.

— Постараемся создать вам все условия для работы, товарищ Петухов, — радушно сказал Алпатов, возвращая Семену Даниловичу командировочное удостоверение. — Для начала позвольте вас пригласить...

«Завтракать!» — мысленно закончил за него Семен Данилович.

— ...на ближайший объект. Посмотрите наш жилфонд. Домá.

«Правильно! — одобрил Петухов. — Дельный человек. В конторе накрывать неудобно, а на квартире это вроде личная инициатива. Умно!» И он охотно согласился на осмотр жилфонда.

В отличном настроении Семен Данилович семенил за широко шагавшим заместителем директора Кондратюком.

Кондратюк то и дело представлял ему людей в спецовках, которые, знакомясь, протягивали руки, черные не от земли, а от машинного масла. И каждый раз Кондратюк начинал с того, что вот еще года два назад здесь был пустырь, а сейчас электростанция, или механическая мастерская, или новый гараж, или еще что-нибудь. Потом он спохватывался, умерял свой пыл и, вспомнив, что ревизора интересуют, конечно, не столько достижения, сколько недостатки, переходил к самокритике. При этом он требовал, чтобы Петухов обязательно записал себе насчет баббита, который не занаряжен до сих пор, и насчет вольники с запчастями, и насчет того, что «механик плохо выкручивается с местными ресурсами» и что «нас, конечно, надо греть, но помочь нам тоже надо...»

Когда вошли в поселок, состоящий из аккуратных домов под черепичными крышами, Семен Данилович, как конь, почуввавший родную конюшню, решительно повернул к крыльцу, на котором увидел девушку в белом халате и в марлевой косынке — явно официантку.

— Нет, нет, в ясли мы потом зайдём, — остановил его Кондратюк. — А сейчас... — он весело усмехнулся, — пройдем по помоечкам.

— По чему? — переспросил Петухов.

— По помойкам. По свалкам, то есть. Пусть товарищ Алпатов почешется, если он на наши сигналы не реагирует и находящихся выгребных ям сделать никак не собирается.

«Да что он, рехнулся, что ли? — поразился Петухов. — Он же и вправду мне недостатки показывает!» Такой оборот дела настолько не вязался с представлением Петухова о ревизии, что он растерялся и еще сорок минут, не протестуя, таскался за Кондратюком по самым неприглядным местам: заглядывал в мусорные свалки, карабкался по ржавым штабелям труб и строительной арматуры, чуть не свалился в известковую яму и в заброшенном песчаном карьере набрал полные сандалии песку, по уверению Кондратюка, вполне пригодного для строительных целей.

Нет, все это пока нисколько не походило на дачную прогулку. О завтраке не было и речи. Только одна мысль несколько успокаивала Петухова: он предполагал, что все это хитрый маневр Кондратюка. Ему нарочно показывают второстепенные недостатки, чтобы у него был какой-то материал для отчета,

но уж зато потом сделают все, чтобы ревизор ничем больше не интересовался.

Дальнейший ход событий подтвердил предположения Петухова.

— Вот пока все по жилфонду, — сказал Кондратюк, оставившись у крайнего домика.

— Куда теперь предполагаете?

Все сопровождающие разом зашумели:

— Ко мне!.. К нам!.. Нет, уж к нам — в лесок!..

Петухов даже растерялся: видимо, у всех приглашающих было что-то припасено для приема ревизора, — и он не знал, кого выбрать.

— Сперва к вам! — наконец решился он, обращаясь к совсем молодому человеку в клетчатой ковбойке, лыжных штанах и выгоревшей фетровой шляпе.

— Хорошо, — согласился Кондратюк, — значит, пойдете с Колей в лесок!

«В лесок! — ликуя отметил про себя Петухов. — Так и есть — уводят от настоящих объектов! Ну что ж, правильно я выбрал — пикник на свежем воздухе».

Прошли уже километра три, а леса все еще не было видно. Было очень жарко. Время подходило к полудню, когда лесотехник посреди поля свернул с дороги, прошел метров пятьсот по степи и остановился. Петухов сделал последнюю перебежку и догнал его.

— В чем дело? — спросил он.

— Пришли, — коротко ответил Коля, сдерживая восторг.

— Куда пришли?

— В лесок!

— Не может быть?! — почти закричал Семен Данилович, встревоженный не столько отсутствием деревьев, сколько отсутствием пикника. — Где лесок?

— Да вот же! — указал Коля себе под ноги, а потом сделал широкий жест и радостно засмеялся. — Невероятно? А? Грандиозно? А?.. Какой масштаб посадок!!

И тут Семен Данилович с тоской понял, что он попал в новый лесопитомник и ни о какой «сени» не может быть и речи.

Коля, выдержав театральную паузу и насладившись потрясенным видом ревизора, вцепился в Семена Даниловича и потащил его по солнцепеку. У каждого нового ряда саженцев он заставлял Петухова нагибаться, нюхать листья, щупать пруттики стволов и даже ковырять пальцем образцово подготовленную землю. Попутно Коля излагал свои претен-

зии к дирекции совхоза, которая явно недооценивает важность механизации лесопосадочного дела и маринует ряд его рационализаторских предложений. Претензий было много. Саженцев еще больше. А колючек, царапающих ноги Петухова и прокальвающих его легкие полотняные штаны, было больше, чем претензий и саженцев.

Когда директор совхоза Алпатов приехал за ревизором, тот, обожженный солнцем, утомленный бесконечным хождением, истерзанный колючками, представлял собой жалкое зрелище.

— Устал я немного, — взмолился Семен Данилович, увидев директора. — Но вот машину я свою отпустил.

— Предусмотрено! — весело сказал Алпатов. — Мы сейчас конной тягой, по-деревенски. Прошу! — И он сам посадил Петухова в легкую старинную колясочку с лакированными крыльями, которая жалобно скрипнула и покачнулась под тяжестью Семена Даниловича.

Через полкилометра Алпатов свернул с шоссе — в объезд — на кратчайшую дорогу, при взгляде на которую даже видавший виды серый мерин, запряженный в коляску, жалобно заржал и испуганно прынул ушами. Коляску начало швырять, как шляпку в шторм. Семен Данилович еле успевал ловить слетающую панамку. Его то подбрасывало кверху, то вдавливало в кожаное сиденье, то бросало на грудь Алпатову, и он больно царапался щекой об орденские планки и авторучки.

Наконец пролетка вылезла на древний, выбитый булыжник. Началась омерзительная трясучка, от которой подпрыгивали щеки и зубы выбивали мелкую дробь. У Семена Даниловича начала екать селезенка.

Алпатов завел непринужденный разговор, хотя говорить при такой тряске было невозможно. Прыгающая коляска вытряхивала из человека слова и фразы и просеивала их сквозь стучащие зубы. Опытный Алпатов смотрел на дорогу и говорил с паузами, выбрасывая короткие, телеграфные фразы и отдавая тряске союзы, междометия и другие второстепенные части речи. Петухов же не мог приноровиться: слова вываливались из него бестолково, по частям, и он произносил только какую-то рваную дребедень.

— Доро-о... жкапло-о... хаяо-о... чень!.. — отрывисто подывал Петухов.

— ...Приступить ремонту... невозможно... связи задержкой... материалов, машин, — телеграфировал Алпатов.

— Бе-е-е... зусло-о... внобе-е-е... — перешел на блянье Семен Данилович.

— Безобразие налицо... — телеграфно подтвердил директор мнению ревизора. — ...нажмите горчком... Второй год вожу... наглядности... всех приезжих... этой дороге... безрезультатно... Внимание, яма... держитесь меня...

Петухов страдал и физически и морально. Он не мог понять, почему извечно роскошная ревизорская роль оборачивалась для него сейчас одними неприятностями. Он никак не мог разгадать, в чем тут хитрость руководителей совхоза, и это мучило его и сбивало с толку. Предположить же, что это нормальные, честные люди, которые хотят добросовестно помочь ревизору разобраться в недостатках и неполадках, Семен Данилович тоже не мог, потому что такое предположение было для него просто нелепым и ни в какие ворота не лезущим.

«Дикие люди! — думал Петухов. — Где это видано, чтобы так обращались с ревизорами?»

И он твердо решил завтра же на рассвете вернуться в город.

Однако ехать домой без даров щедрой совхозной природы, уже обещанных жене и дружкам из городского начальства, было невозможно. Семен Данилович решил срочно собрать причитающуюся ревизору дань и потребовал, чтобы его сейчас же проводили на свиноферму.

Если бы поросята увидели Петухова в тот момент, когда он подходил к свиноферме, они прочитали бы на его лице свой приговор и поспешили бы заколоться сами. Семен Данилович был суров и решителен. Он был ревизором, черт возьми, и собирался доказать это на деле!

«Раз они сами не пугаются, — решил он, — придется их пугнуть!»

Едва познакомившись с Марфой Григорьевной, знатной свинаркой, заведующей фермой, Петухов сказал себе: «Главное — ошеломить противника!» — и сразу же загремел:

— Это что такое? Штукатурка облупилась! Подтеки! Запущенность! Антисанитаризм! А дверь почему скрипит? А что это?

— Погоди, погоди, не шуми, — перебила его Марфа Григорьевна. — Из крика дела не выкроишь. Мы по ремонту с тобой потом пройдем. Ты сперва поросят посмотри.

«Ага, поросят! — внутренне возликовал Петухов. — Подействовало!»

— Эх ты, млекопитающее! — нежно сказал Семен Данилович, пощекотав за ухом округлого, словно надутого воздухом боровка и, как бы невзначай, заметил: — Мне почему-то этот больше других нравится...

— Ничего, он не плох, — равнодушно сказала Марфа Григорьевна, видимо, не поняв намека. — Пойдем, что ли, хранение кормов посмотрим. Там у нас непорядки есть.

— Посмотрим, посмотрим ваши непорядочки, ваши недостаточки, — ласково пропел Семен Данилович, глядя поросенка и не поднимаясь с корточек. — А ведь ты, подлец, под хреном хорош, наверно? — сюсюкая, обратился он к боровку.

— Да он и с кашей неплох будет, — засмеялась Марфа Григорьевна, как видно, наконец уразумев, в чем дело. — Ну, идем, идем!

Семен Данилович со вздохом поднялся, неохотно расставаясь со своим боровком, и последовал за Марфой Григорьевной. Слушал он ее рассеянно, так как думал о своем.

— Да, да, действительно безобразие. Это мы вашему директору укажем. Между прочим, сколько в нем весу?

— В ком? В директоре?

— В поросенке, в том...

— Кило пять. Теперь насчет подготовки к зиме хочу сгениализировать. Крыша — раз. Тамбуры — два. Кормокухня — три. У нас много говорят о недостатках, а получается одна критика с трибуны, а дела нет.

— А дела нет, — задумчиво повторил Семен Данилович. — А если, скажем, его откармливать захотеть? То чем лучше? А?

— Да что он тебе дался, этот поросенок? — удивилась Марфа Григорьевна. — Вот приедешь весной, увидишь, как мы его откормим. А с механизацией, значит, так...

«То есть как это — вы откормите?» — чуть не крикнул Петухов, вдруг поняв, что ему не собираются отдавать его боровка. «Это что же получается? Раздумала она? Страх потеряла?»

И он вдруг без всякой подготовки закричал на заведующую, распаяясь от мысли, что поросенок может ускользнуть из рук:

— Ты мне механизацией голову не морочь! А качество? Я ведь ваших поросят не ел! Может, они по качеству никуда не годятся! Может, они и невкусные вовсе? Может, это не поросята, а производственный брак? А ремонт? Да ты знаешь, что я про ваши ремонтные безобразия в центр могу сообщить?

Я, может быть, даже в газетах вас пропечатать могу! Это ты знаешь? А?

— Насчет качества это ты зря, — спокойно сказала Марфа Григорьевна. — У нас отзывы есть от торгующих организаций. А вот насчет ремонта это хорошо, что ты рассердился. Для того тебе и рассказываю. Ты обязательно сообщи, куда надо. И в газетах пропечатай. Может, кому не по вкусу придется, зато польза будет.

У Петухова опустились руки. После грозного монолога, на который он израсходовал остатки энергии, силы окончательно покинули его. Из свинофермы он вышел, качаясь от горя.

— Ну, недостатков вы насмотрелись, — сказал встретивший его Алпатов. — Теперь вам можно и кое-что приятное показать. Прошу через час в столовую. Новый зал мы открыли — лучше любого ресторана.

«Банкет, — подумал Петухов. — Вот, значит, чем хотят отдалаться. Ну хоть что-нибудь!»

Оставшееся до банкета время Петухов употребил на закупки. Он приобрел у колхозников в соседнем селении овощи, фрукты, сметану, поросят, птиц. Без гостинцев для начальства возвращаться он не мог.

Чтобы дары не показались слишком бедными для такого богатого совхоза, продуктов пришлось покупать много, и Петухов истратил все свои деньги. Впрочем, это уже не имело значения — сейчас его наконец покормят, а сразу после банкета он махнет в город.

В высоком белом зале столовой собрались все сегодняшние провожатые Петухова. Конечно, началось все опять с осмотра. Кондратюк говорил, что еще полгода назад здесь было просто сарай, а клетчатый энтузиаст обращал внимание гостей на озеленение под окнами.

Наконец все уселось за стол. Петухову стали читать меню-раскладку. На третьем названии Семен Данилович уже не мог говорить, а только глотал обильную слюну, как подопытная павловская собака.

«Салатик! — умиленно отмечал Семен Данилович. — Помидорчики! Винегретик! Судачок! Ветчинка! Супчик! Котлетка с картошечкой!..»

Нет, дальнейшее ожидание становилось невыносимым.

— Что ж, пора, пожалуй, и нам, так сказать, проверить качество! — хихикая и потирая руки, сказал Семен Данилович.

— Конечно, конечно, — радушно сказал Кондратюк. — Это мигом. Вы что будете заказывать?

— Зачем мне вмешиваться? — скромно сказал Петухов. — Вы хозяева! Что вы приготовили для гостя, то пусть и подают!

— Все шутите! — весело рассмеялся Кондратюк. — У нас же не банкет! У нас попросту: платите деньги — и пожалуйста.

Петухов хотел что-то сказать, но захлебнулся слюной и только всхлипнул.

Но уйти из столовой он не мог. Это было выше человеческих сил. И уже не владея собой, Семен Данилович забормотал:

— Я и собирался платить. Но, понимаете... У меня тут вышел финансовый просчет. То есть я... Может быть, кто-нибудь одолжит мне немного денег?

Эта скромная просьба почему-то вызвала общий смех.

— Издержались в дороге? Да? — так и залился Кондратюк. — Ох вы, шутник!

— Взаимы? — восхищенно взвизгнул клетчатый Коля. — Прямо по классике! Как в кино! Просто артист!..

Семен Данилович с трудом изобразил кривую улыбку и сказал, что он, конечно, пошутил. Тем более что и есть он не хочет: хорошо закусил в гостинице.

Шутка, как видно, понравилась, и, провожая Петухова до Дома приезжих, смешливый Кондратюк несколько раз останавливался и, хохоча, спрашивал: «Издержались в дороге?» — после чего хлопал себя по ляжкам и восклицал: «Ах, ты! Вот это дал!..»

* * *

Под покровом темноты Петухов бежал из совхоза. В машине он наелся сметаны из подарочного фонда, причем ел ее без хлеба, закусывая помидорами. Сейчас его поташнивало. Он начал икать. Шофер Федя сказал, что это от тряски в нем сбивается масло.

Кончались совхозные владения.

На полевом стане, недалеко от дороги, застрекотала кинопередвижка. И душный пахучий ветер, словно издеваясь над Семеном Даниловичем, донес до него знакомую фразу:

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор!..

ФОНТАН

1

В последнее время Семена Даниловича Петухова стали преследовать кошмары. Каждую ночь с жестоким постоянством ему снилось, что он потерял авторитет.

Это было ужасно: авторитет для Семена Даниловича всегда был не надстройкой, а базисом, не следствием, а первоосновой. Авторитет казался ему чем-то обособленным, самодовлеющим, даже вещественным, ибо его можно было и приобрести и потерять, и поднять и уронить.

И вот когда его, как с печальной иронией говорил Петухов своим близким, «ушли по собственному желанию», Семен Данилович начал опасаться, что авторитет его потерян и сейчас он, товарищ Петухов, представляет собой не более, как пустой резервуар, оболочку, в которой абсолютно ничего нет.

То снилось ему, что он идет по площади Свердлова в Москве... И вдруг движение останавливается. Все показывают на него пальцами — все видят, что он вышел из гостиницы без авторитета, а это хуже, чем голый. Все смеются. Хохочут прохожие. Рыдая от смеха, валится на широкую баранку водитель троллейбуса. В своей стеклянной будочке закатывается и утирает слезы белыми перчатками милиционер-регулятор. А бедный Семен Данилович вертится на месте и не знает, какое именно место ему лучше прикрыть портфелем, чтобы спрятать неприличное отсутствие авторитета.

То мерещилось ему, что он входит в свой кабинет. Но в связи с потерей авторитета у него совершенно пропал вес. Он легче воздуха. Он впархивает в кабинет и сразу взмывает кверху. Некоторое время Петухов висит, как детский шарик, упершись теменем в потолок. Он парит над своим просторным кожаным креслом, не зная, как опуститься на его гостеприимные пружины...

Такие сны мучили Петухова непрерывно. Они продолжали терзать его даже после того, как он был прощен добрым местным начальством и брошен на новый участок — на отдел городского благоустройства.

Он понимал, что сейчас ему нужно срочно реабилитироваться, подпереть свой неустойчивый авторитет каким-нибудь выдающимся, из ряда вон выходящим достижением.

И вот однажды ночью его осенила блестящая идея.

Утром он явился к себе в отдел благоустройства бодрый, энергичный и как бы увеличившийся в объеме, словно утраченный авторитет уже начал возвращаться к нему.

— Пора браться за дело, товарищи! — торжественно заявил он своим сотрудникам. — Пора проявить размах! Конечно, в границах терпения Госконтроля, но размах! И мы проявим его, товарищи. Мы воздвигнем фонтан! И не просто фонтан, товарищи, а самый большой в области! С самой высокой струей! Так, чтобы всех умыть!

Как ни странно, эта блестящая идея нашла признание не сразу.

Какой фонтан? Зачем? Из каких средств? Почему именно фонтан?

Нужно было ответить на уйму вопросов и рассеять множество сомнений. Но надо знать, на что способен Семен Данилович Петухов, когда ему нужно показать, на что он способен!

В течение нескольких дней все отделы горсовета трясло, как в лихорадке.

— Крохоборство! — бушевал Петухов в горфинотделе. — Плюшкинизм! Газет не читаете! Из чего в Подольске решетки лили для своего парка? Из местных ресурсов! А в Херсоне чем улицы мостили? Местными ресурсами! А мы что, хуже? Что, у нас местных ресурсов на струю не хватит?!

Окончательно запугав финансистов, Семен Данилович устремлялся к заместителю председателя горсовета.

— Ладно, ладно, — дружески похохатывая, говорил Петухов. — Знаем мы твою экономию: спичка на шестерых, пол-литра на одного! Что ж, по-твоему, я должен распыляться на мелочи или мне надо концентрировать силы на главном?

Строителей и архитекторов он отечески журил:

— Закоснели, товарищи, закоснели! Неверно это, товарищи! Провинционализм это!

И Семен Данилович мчался дальше, нажимая на общественный резонанс, будя уснувший местный патриотизм и глуща колеблющихся поднятым им самим шумом.

Так или иначе, от Петухова в конце концов отступились, и тут Семен Данилович развернулся. Прежде всего он выбрал плацдарм. Фонтан он решил соорудить на окраине города, возле главного шоссе, ведущего в областной центр. Правда, местному населению ходить сюда и любоваться на фонтан было и далеко и неудобно, но зато областное начальство могло наблюдать петуховское рвение даже проездом, не выходя из машины.

Затем Петухов изыскал средства. Бассейн для фонтана выкроился из ассигнований на «ремонт и восстановление жилфонда». Квадратные метры асфальта, запланированные для Большой улицы, перекочевали на прифонтанную территорию.

Потом он взялся за инженеров. Из их проекта явствовало, что они не уловили главной цели — переплюнуть всех. Запланированная высота струи была позорно мала. Семен Данилович сказал инженерам, что они проявили недопонимание, и приказал им выжать из струи 300 процентов проектной мощности.

Последующие два месяца строительства были для Семена Даниловича месяцами непрерывного штурма. Он выколачивал фонды, проталкивал цемент, продвигал арматуру и подкручивал строителей. Возникающие препятствия он преодолевал с ходу, смело и решительно.

За неделю до пуска фонтана, 7 августа, утром жители Малой Большой улицы обнаружили, что за ночь под их окнами пропал сквер. Исчезли решетки. На месте молоденьких липок зияли квадратные ямы: это Петухов одним ударом разрешил проблему благоустройства и озеленения территории вокруг фонтана.

А за два дня до пуска Петухов узнал, что завтра в город приезжает секретарь обкома Логинов. Совершенно очевидно, что въезжать он будет на машине по главному шоссе. Было бы непоправимой глупостью пропустить такой удобный момент для торжественного открытия фонтана и не встретить руководство сюрпризом — невиданной, рекордной струей!

2

Ранним утром следующего дня к восточной окраине города прибыл духовой оркестр пожарной самодеятельности. У ограды нового сквера выездные бригады продавцов и официантов на ящиках из-под печенья раскладывали свои скатерти-самобранки. Мороженщицы выстраивали на лотках вафельные стаканчики со сливочным пломбиром, который в рассветных лучах казался клубничным. Розовые плотники только что приладили последнюю розовую тесину к свежей «правительственной» трибуне.

На трибуне у микрофона стоял Семен Данилович и патетически говорил:

— Струя нашего фонтана, товарищи, — это свежая струя в деле благоустройства нашего города! И мы можем гордиться

тем, что нам удалось поднять ее на небывалую, недостижимую высоту! Раз, два, три, товарищи! Аня, Маня, Таня!.. Начали!

Это была репетиция его выступления и одновременно проверка радиоусилителей.

Наконец все было подготовлено к торжественной церемонии, а Логинов не ехал. Аудитория расхолаживалась. Семен Данилович, державшийся за перила трибуны, как за поручни капитанского мостика, понял, что надо начинать.

— Пора! — сказал он своему заместителю. — А то неуважение к массам получается. Зазнайство! Надо приступать к открытию! Пусть товарищ Логинов увидит наши достижения в действии!

И он подал знак дирижеру. Оркестр заиграл специально разученную по предложению Петухова сцену у фонтана из оперы «Борис Годунов», и торжественный пуск объекта начался.

Семен Данилович легко соскочил в бассейн, сверкнул ножами и разрезал ленточку. Сняли брезент, и глазам собравшихся предстал фонтан во всей своей красоте. В скульптурном облике фонтана Петухову удалось скомбинировать и примирить все противоречивые советы консультантов и тем самым отразить тему многогранности жизни.

Фонтан представлял собой скульптурную группу, состоящую из молодого человека и девушки в купальных костюмах, склонившихся над книгой, с веслом, отбойным молотком, пионерским горном, грудным ребенком и рулоном чертежей в руках и пограничной собакой у ног. Из бронзового рулона, поддерживаемого молодыми людьми, и должна была забить рекордная струя.

Семен Данилович вскарабкался на гранитный борт бассейна и, встав на него, как на пьедестал, картинно взмахнул рукой. Сторож фонтана, взятый на вакантную должность инженера-сантехника, стал медленно поворачивать колесо вентиля.

— Сейчас, товарищи, фонтан забьет! — звонко и весело крикнул Петухов. Он откашлялся, кивнул сторожу и почти пропел: — Раз!.. Два!.. Три!..

Фонтан хрюкнул, потом нахально свистнул, но не выдал из себя ни капли воды. В публике раздались смешки.

— Товарищи, товарищи, это неопытность кадров! Это временные трудности! — нервно объяснил Семен Данилович и сам бросился к колесу. Оттеснив сторожа, он повернул колесико еще раз. И еще, до отказа. Он даже попробовал по-

трясти трубу и измазался ржавчиной, суриком и тавотом. А вода не шла.

Наступила напряженная, неловкая тишина. Потом раздался тоненький жалобный писк, сменившийся простуженным хрипением. Фонтан кашлянул. Потом два раза плюнул. Потом сделала паузу и вдруг забил всей своей рекордной струей.

Под аплодисменты публики и восторженный свист мальчишек, усталый и счастливый, Петухов поднялся на трибуну. Он провел рукой по лбу и даже не почувствовал, что на лбу осталась влажная черно-рыжая полоса. Сейчас всем его вниманием завладел фонтан. В его радужных струях видел он свой авторитет, подымающийся высоко-высоко, выше пенистого водяного султана.

Петухов откашлялся и, продолжая поглядывать быстрыми глазами в сторону шоссе, откуда должна была появиться машина секретаря обкома, начал торжественную речь.

А в это время из поселка нефтяников, совсем с другой стороны, вползал в город, карабкаясь по рытвинам и ухабам, свежезапыленный «ЗИМ» Логинова. Как мог ожидать Петухов, что секретарь обкома въедет в город не через парадный въезд, так тщательно приготовленный для него, а как раз там, где Семен Данилович из оставшихся средств лишь залатывал, закрашивал и загораживал ширмами зияющие прорехи благоустройства! Но Логинов делал совсем не то, чего от него ожидали.

Он остановился на углу улицы, переименованной Петуховым из Старо-Воздвиженской в Ново-Воздвиженскую, прочел свежую табличку и, усмехнувшись, что-то записал. Задержался он и у новой газетной витрины, повешенной так, чтобы прикрыть облупившуюся штукатурку. В витрине висела газета пятидневной давности...

В конце Ново-Воздвиженской, где машину трясло и бросало особенно сильно, Логинов остановился около милиционера и, указав взглядом на мостовую, спросил:

— У вас что, землетрясение было?

Милиционер козырнул и доложил, что землетрясения не было. В ответ на следующий вопрос он опять козырнул и сказал, что ремонта тоже не было.

На следующей, Третьей Безыменной улице, сверкающей свежепокрашенными фасадами и крышами, Логинов приказал шоферу развернуться и проехать задом. Как он и предполагал, дома были выкрашены только со стороны улицы.

Затем Логинов остановился около водоразборной колонки. Он поговорил с людьми, которые стояли в очереди с пустыми ведрами, потом сел в машину и сказал шоферу:

— К фонтану!

3

Когда Логинов подъехал к месту торжества, Петухов, обдаваемый сверкающими брызгами, в третий раз говорил: «Я закругляюсь, товарищи!» Однако, увидев секретаря обкома, он растянул это последнее закругление и запустил еще один роскошный период.

Когда оратор наконец закончил, Логинов поздоровался с ним и тихо сказал:

— На кого вы похожи! Вы бы умылись все-таки...

— Прямо с работы, товарищ Логинов! — широко улыбаясь, ответил Петухов. — Лично руководил пуском.

— Пойдемте в соседний дом, — предложил секретарь обкома. — Я тоже ополоснусь с дороги. Фонтан от нас не уйдет.

— С удовольствием! — согласился Семен Данилович. В предложении Логинова была какая-то приятная и многообещающая фамиллярность.

Логинов постучал в дверь дома и попросил хозяйку провести их к крану. Секретарь настояла на том, чтобы Петухов умывался первым. Это тоже понравилось Семену Даниловичу. Логинов даже сам открыл ему кран, из которого побежала тоненькая струйка воды. Чтобы не задерживать руководство, Семен Данилович быстро и густо намылился. Когда же он протянул ладошки ковшиком под кран, чтобы начать смывать мыло, и без того тоненькая струйка окончательно похудела, превратилась в ниточку и совсем иссякла.

— Что это? — удивился Петухов и даже открыл залепленные мылом глазки. — Воды нет? В чем дело?

— В рекордную струю ушла, товарищ Петухов, — неожиданно строго сказал Логинов. — Во всем городе водопровод не работает.

— Не может быть, — залепетал Петухов, встревоженный не столько самим фактом, сколько тоном Логинова. — Но как же...

— Как же домыться, вы хотели спросить? Идемте к фонтану.

А тем временем на мраморных берегах фонтана домохозяйки черпали ведрами воду. Логинов подвел намыленного

Петухова к бассейну и приказал закрыть фонтан. Рокотанье струй смолкло, и в наступившей тишине даже залепленные мылом уши Семена Даниловича уловили нарастающий смех. Все уже знали о том, что фонтан высосал весь водопровод. Когда люди увидели самого виновника этой глупой затеи, покрытого белыми хлопьями, смех превратился в хохот. Это было, как в недавнем кошмаре, — хохотали прохожие. Рыдая от смеха, повалился на широкую баранку водитель грузовика. Закатывался и утирал слезы белыми перчатками постовой милиционер. На гранитных берегах бассейна смех раскачивал домохозяек.

— Умывайтесь быстрее, — сухо сказал секретарь обкома, подводя Петухова к его бассейну. — Воду уже спускают.

Петухов склонился над бассейном и стал промывать слезившиеся не то от мыла, не то от тоски глаза.

А над его склоненной головой звучал спокойный голос Логинова:

— В среду приезжайте на бюро. Поговорим об этой... «рекордной» струе...

Эти страшные своей неумолимой ясностью слова донеслись до Петухова, как сквозь сон. Цепенея от испуга, он тупо глядел в круглую дырку водостока и механически следил за тем, как туда уходит последняя вода, сердито бурля, всхлиывая, со свистом унося в трубу его авторитет...

КУРОРТНОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

1

В сени кипарисовых рощ санаторные баянисты грянули марш к утренней зарядке. В курортном парке запахло духами «Магнолия» (первый выпуск): огромные белые цветы открывали свои лепестки после ночной спячки.

В этот ранний курортный час вдоль широкой аллеи, обсаженной магнолиями, брел Семен Данилович Петухов, ведя на поводке небольшую лохматую собаку.

В глазах Петухова светилась собакобоязнь, а во взгляде собаки — человеконенавистничество. Впрочем, ненависть их явно была взаимной. Но внешне собака вела себя сдержанней. Петухов все время громко ругал собаку обидными словами, собака же в ответ только молча покусывала его.

Собака принадлежала жене заместителя председателя Энского горсовета Нине Гавриловне Львовой.

Для того, чтобы понять, что, кроме поводка, связывало Петухова с собакой жены зампреда Энского горсовета, нужно вернуться на три недели назад.

Семен Данилович приехал из Энска на курорт в подавленном состоянии. Его деятельность в Энке, состоявшая из чередования мелких неудач и крупных провалов, привела к тому, что он в конце концов потерял благорасположение начальства.

А ведь Петухов, как никто другой, знал цену начальственной благосклонности. Он завоевывал ее повседневно и упорно. Завоевывал умением варить уху на рыбалке, активным болением за любимую начальством футбольную команду, а подчас и лихой, но демократичной пляской на массовке, когда он — руководящий работник — первым приглашал на глазах у начальства скромную уборщицу и пускался с ней в пляс, быстро перебирая пухлыми ножками, гикая, присвистывая, ухая и даже изредка попадая в такт...

Семен Данилович прекрасно знал, что начальство незаметно для самого себя привыкнет считать его «славыным мужиком», «рубахой-парнем», «милейшим человеком» и автоматически перенесет это свое доброжелательное отношение и на служебное поприще. В общем так оно и случилось. Причем особенно благоволил к Семену Даниловичу заместитель председателя горсовета, добряк и душа-человек, товарищ Львов.

При всем этом Семен Данилович, как человек опытный и солидный, никогда не позволял себе ни грубой лести начальнику, ни подношений, ни прочих проявлений того, что он сам нередко клеймил как «хвостовияние и подхалимаж».

Напротив, с начальством он был прост, легко переходил на «ты» и держался так свободно, что начальнику даже было приятно ощущать собственную демократичность.

— Я человек прямой, — говорил Семен Данилович. — Я люблю резать правду-матку...

Конечно, Семен Данилович умалчивал о том, что он любит резать только ту правду, которая не режет слух начальника, и что нарезает он эту правду точно отмеренными дозами.

— Безобразие! — строго отчитывал он одного начальника. — Работать не умеете! Время не организуете! Что значит не можешь пойти на стадион? Глупости! Обязан пойти!

И начальник охотно принимал критику и шел на стадион.

— Я тебе прямо скажу! — бушевал Семен Данилович в другом кабинете. — Зазнался ты! Отрываешься от масс! Живых

людей не видишь! Скажи, ты хоть знаешь, как я живу, какие у меня запросы? Нет! Ты же у меня ни разу не был!

Разгневанный, он шел к двери, а смущенный начальник сам напрашивался на приглашение в гости.

Словом, Петухов умел ладить с начальством. И, тем не менее, сейчас положение его было критическим. В очередной раз он был освобожден от очередной руководящей должности, и даже его покровитель зампред горсовета Львов стал посматривать на него косо.

Петухов уехал на курорт, чтобы собраться с силами и подумать на досуге, как вернее и лучше вернуть себе утерянную благосклонность начальства.

Какова же была радость Петухова, когда в первый же день пребывания на курорте он неожиданно встретил жену заместителя председателя горсовета Нину Гавриловну Львову, или, как звали ее в Энске, Львиху, известную своим влиянием на мужа и страстью к роли «хозяйки города»!

Львиха была на курорте одна.

Семен Данилович мгновенно сообразил, что судьба дает ему последний шанс. Он отлично знал, что трудно переоценить роль личности жены начальника в служебной истории его подчиненных. Он понимал, что ему представляется драгоценный случай понравиться «хозяйке города», расположить ее в свою пользу и через нее вернуть себе расположение ее влиятельного супруга.

И Петухов начал действовать, отдав себя в полное распоряжение отдыхающей Львихи. Он угадывал все ее желания и терпеливо исполнял ее многочисленные прихоти. Семен Данилович не боялся переборщить. Во-первых, он знал, что оболаскивает заботой и вниманием свою будущую служебную карьеру, а во-вторых, его успокаивало сознание того, что заботы, которые были бы угодничеством, относись они к самому начальнику, в данном случае должны были быть истолкованы лишь как рыцарство, поскольку они относились к женщине. Таким образом, и от нежелательных обвинений предусмотрительный Семен Данилович был застрахован.

На рыцарское служение прекрасной даме и ушел весь отпуск. Как полагается по канонам рыцарских романов, это было время сплошных испытаний преданности рыцаря, причем каждое следующее испытание было труднее и мучительнее предыдущего.

Прежде всего было решено, что львихина собака Микки, которую не пустили в санаторий, где отдыхала Нина Гаври-

ловна, поселится пока у Петухова, так как Семен Данилович отдыхал «диким» способом. После этого отдых Петухова стал еще более диким.

Однако разница вкусов Петухова и собаки угнетала Семена Даниловича все же меньше, чем расхождение его вкусов с привычками самой Нины Гавриловны.

Петухов из всех видов курортных развлечений признавал только преферанс и рыбную ловлю.

Нина Гавриловна любила пользоваться курортными мероприятиями в таких масштабах, что даже выдавшие виды санаторные врачи говорили про нее: «Больная, которая хочет употребить столько силы на отдых и лечение, должна обладать исключительным здоровьем».

Таким образом, Петухов, который старался не отходить от Львихи ни на шаг и стремился использовать любой удобный момент для того, чтобы оставить неизгладимый след в ее памяти, вынужден был испытать с ней до дна полную чашу курортных радостей.

Нина Гавриловна считала, что солнце очень укрепляет кожу. И Петухов стал проводить с ней ежедневно по четыре часа на пляже. Кожу он, может быть, и укрепил, но она, к сожалению, слезла с него, и поэтому крепость ее носила теперь несколько отвлеченный характер.

Укрепив кожу, Львиха почувствовала настоящую необходимость укрепить нервы. Для этой цели, как утверждала она, нет ничего лучше морских путешествий.

И они отправились в плаванье на дизельэлектроходе «Россия». Если бы Петухов не страдал морской болезнью (что происходило с ним даже в автобусе), то, может быть, он, как Нина Гавриловна, сумел бы рассказать много интересного о рсскошно отделанных салонах, каютах и ресторанах «России». Но в результате трехдневной прогулки, совпавшей с небольшим штормом, Семен Данилович мог поделиться воспоминаниями лишь о различных вспомогательных помещениях дизельэлектрохода, не представляющих общественного интереса.

Вернувшись на сушу, Нина Гавриловна переключилась на «горовосхождения». Она уверяла Петухова, что «скалолазанье очень укрепляет ноги и помогает сбросить лишний вес». И Петухов стал таскать свой вес, который он вовсе не считал лишним, по горам и скалам. Семен Данилович никак не мог установить, укрепляются ли у него при этом ноги, так как именно ногами он меньше всего пользовался при горных про-

гулках. Вверх он поднимался, главным образом цепляясь руками за кусты (почему-то в большинстве случаев колючие), вниз же съезжал, как правило, пользуясь известным с детства способом, в котором ноги играли весьма подчиненную роль.

По вечерам Нина Гавриловна с завидным постоянством водила Петухова на танцы.

Оркестр играл попеременно то танго «О море в Гагре!», то вальс «О пальмы в Гагре!». Культурник санатория дирижировал танцами, жизнерадостно покрикивая:

— Каждая пара отдельно! Общий вальс! Каждый больной приглашает свою больную!..

Не умеющий танцевать Петухов все время грустно стоял в углу под бананом и наблюдал, как побуревшая от восторга Нина Гавриловна кружилась по паркету. На танцы Нина Гавриловна надевала свое роскошное светлое платье с черными спиральными полосами, отчего во время танца казалось, что она ввинчивается в пол, как гигантский штопор. Петухов смотрел на нее — и его укачивало, как на море. К концу вечера ему становилось совсем плохо. К счастью, к этому времени обычно раздавался звонок, возвещающий конец бала, и Нина Гавриловна, сделав два последних витка, вывинчивалась из паркета.

Она уходила в палату к своей ночной простокваше, а обесиленный Петухов брел в горы, в свою дикую комнату, где соскучившийся Микки кусал его уже на пороге.

Так прошло три недели. Правда, отпуск у Петухова пропал, но зато подготовительная работа дала свои результаты. Львиша все благосклоннее принимала проявление внимания и заботы со стороны постоянного спутника своих курортных экспедиций, которого она лестно, хоть и не совсем точно называла «мой Маклаха-Миклуй!».

2

Оставался один день до конца отпуска.

Окрыленный успехами, Петухов решил, что благоприятная атмосфера подготовлена и можно действовать более решительно. Он попросил Нину Гавриловну уделить ему сегодня полчаса для разговора, от которого зависит его, Петухова, дальнейшая судьба.

Нина Гавриловна ненатурально захохотала, повизгивая и поводя плечами, словно ей лили воду за ворот, что было, по

ее мнению, милым кокетством, однако уделить эти полчаса обещала.

Петухов намеревался прямо и откровенно попросить у влиятельной Львихи покровительства и заступничества. По его расчету, она должна была по приезде в Энск исклопотать для него, Петухова, у мужа какое-нибудь достойное назначение.

Но утром разговор не состоялся, потому что Нина Гавриловна потащила Петухова на базар покупать фрукты, которые она собиралась отправить с ним в Энск.

На рынке Нина Гавриловна долго и хрипло торговалась с веселым владельцем монументальных груш «кэфир». Жизнерадостный торговец утверждал, будто его груши так хороши, что он бы только сам их ел, если б не такая дикая цена!

Это убедило Львиху. Груши в двух мешках и трех сумках были нагружены на Петухова.

Начинать разговор в таком виде Петухову казалось невыгодным. Нельзя было начать его и дома. Здесь уже ждали приготовленные Львихой решетчатые ящики, и Семену Даниловичу надо было упаковывать фрукты. Часть груш не вошла в ящики. Но это оказалось очень кстати: оставшимися грушами Петухов заколачивал гвозди в тару.

Нина Гавриловна, обрадованная тем, что фрукты ей обошлись в общей сложности всего на пять рублей за килограмм дороже, чем если бы она их покупала в своем родном городе Энске, резвилась, как дитя. Она не стала слушать Петухова и после окончания упаковки.

— Нет, нет! Не здесь! — сказала она. — Идем прощаться с морем!

Усевшись на ненавистные раскаленные камни, Петухов сразу попытался перейти к делу.

— Дорогая Нина Гавриловна! — торжественно начал он. — За эти дни вы меня узнали как человека, но вы меня почти не знаете как работника. Я хотел сказать вам...

— Погодите! — перебила его Нина Гавриловна. — Будем сниматься!

И она потащила Петухова навстречу фотографу, который появился на пляже с треногой на плече, полуголый, но в фетровой шляпе и засученных до колен полосатых визиточных брюках. Снимал он курортников всегда одинаково: или стоящими под одной и той же пальмой или лежащими на одном и том же месте в прибрежной пене.

При виде фотографа резвая Львиха радостно захопала в ладоши и непременно захотела сняться на карточку с процарапанной белой надписью: «На дружескую память!»

Идею сфотографироваться «на дружескую память» подхватило много народу, в том числе ряд совершенно незнакомых людей.

Коллективная съемка заняла порядочно времени. Затем Нине Гавриловне стало жарко, и она полезла в воду. Петухов покорно поплелся за ней.

Пухлая Нина Гавриловна держалась на воде, как надувная лодка: двигаться не двигалась, но и тонуть не тонула. Петухов же, не умея плавать, прибег к помощи автомобильной камеры, которую он все остальное время носил через плечо, отчего делался похожим на музыканта-духовика, опоясанного своим великоном. Сейчас от волнения Семен Данилович все время вываливался из своей спасительной камеры и уходил под воду. Вместо торжественных слов о достоинствах Петухова как человека и работника до Нины Гавриловны доносилось только нечленораздельное и несолидное бульканье.

Семен Данилович решил объяснить по дороге к озеру Рица, куда они договорились отправиться во второй половине дня.

Как только открытый автобус с экскурсантами двинулся с места, Петухов понял, что поступил правильно, отложив решающий разговор на часы дороги. Теперь Львиха угомонится, пораженная красотами летящего по сторонам пейзажа, и он сможет изложить ей все, что наметил, все, что она должна будет передать мужу.

А дорога действительно была хороша. Так хороша, что по ней жалко было ехать.

По обеим сторонам шоссе пролетали ослепительно белые здания санаториев, слишком уютные для того, чтобы их можно было называть дворцами. Зелень всех цветов бушевала вокруг них. Белые оливковые роши и черные аллеи кипарисов сменяли друг друга. Гордо высились серебряные эвкалипты...

И действительно, Нина Гавриловна, глубоко погруженная в свои неглубокие мысли, сосредоточенно молчала.

— Дорогая Нина Гавриловна! Я давно хотел сказать вам... — вдохновенно начал было Петухов, но тут заговорил культурник-экскурсовод, и Семену Даниловичу пришлось замолчать. Экскурсовод говорил самозабвенно и безостановочно. Он тер-

пеливо и настойчиво объяснял курортникам окружающую их красоту.

Вначале он больше налегал на ассоциации.

— Попрошу больных обратить внимание на эту скалу, — призывал он. — Не напоминает ли она большим мохнатую грозную тучу, похожую на медведя, пьющего воду?

И, переждав эффект от своего сравнения, он добавлял:

— А сейчас за поворотом я вам ее покажу в другой позе!

Потом, не удовлетворившись сравнительным методом, он начал переводить окружающую поэзию на язык цифр. Почему-то он считал, что этим облегчает экскурсантам восприятие окрестных красот.

Для ясности он приводил весьма оригинальные расчеты и арифметические выкладки.

— Слева мы наблюдаем изумительно красивую вершину, — пояснял он. — Высота ее составляет 1392 метра над уровнем моря. Если мы с вами возьмем двадцать десятиэтажных домов, водрузим их друг на друга, а сверху поставим на-попá парход типа «России», то нам не хватит всего одного четырехэтажного дома для того, чтобы достигнуть вершины этой горы!

А на этот ажурный мост, — вдохновенно продолжал он, — пошло столько железа, что если бы его разобрать и из полученного металлолома наделать подков, то этими подковами можно было бы подковать на все четыре ноги 300 247 коней!

Большинство экскурсантов недоумевало, зачем нужно было разбирать готовый мост на подковы, но Нина Гавриловна все время ахала и просила рассказать еще что-нибудь.

Петухов же никак не мог понять, отчего его укачивает: от крутых ли серпантинов дороги или от образной речи экскурсовода. Во всяком случае, его мутило.

Наконец из-за поворота дороги выплыло на фоне зеленого озера светлое здание гостиницы «Рица». Автобус остановился, и больные бодрой рысцой бросились занимать столики в ресторане.

Оживившийся Петухов вырвался вперед и успел занять столик в уединенном углу веранды, выступающей над озером. Здесь, именно здесь он должен был использовать сейчас последнюю возможность высказать Нине Гавриловне все, что накопилось в его истерзанной душе.

С холодной решимостью заказал он для своей дамы горячие закуски, роскошный ужин и даже шампанское.

— Дорогая Нина Гавриловна! — сказал он чуть дрожащим голосом. — Для вас не составляет секрета мое отношение к вам.

Вы могли проверить мою преданность и готовность идти ради вас на все, кроме служебного преступления.

Нина Гавриловна внимательно слушала и задумчиво кивала облупившимся носом.

— Дорогая Нина Гавриловна!— взволнованно продолжал Петухов.— Все это дает мне право спросить у вас: согласны ли вы сделать для меня то, что даст мне возможность считать себя счастливейшим человеком в нашем городе?

— Да, я согласна. Я все видела и все поняла,— твердым и хриплым голосом произнесла Нина Гавриловна и, подняв на Семена Даниловича мутные очки, тихо добавила: — Петухов, я все решила. Я ваша!

— Чья... наша?— тупо переспросил Петухов.

— Персонально ваша,— потупила очи Нина Гавриловна.— Я никогда не забуду этого месяца, Семен...

— То есть, как же это моя? В каком смысле не забудете?— даже зажмурился от страха Семен Данилович, мгновенно сообразив, в какое катастрофическое положение ставит его это роковое недоразумение.— Нина Гавриловна, ваш муж, уважаемый товарищ Львов, он же никогда не простит мне такого... повышения!..

— Простит, простит,— поспешно возразила Нина Гавриловна.— Тем более, что он, негодяй, оставил меня.

— Как оставил?! — взревел Петухов. — Когда оставил?

— Уже два месяца,— всхлипнула Нина Гавриловна.— После того, как я приготовила ему сюрприз— по секрету от него построила нам собственную дачу из отходов строительства городского дворца культуры.. Он меня выгнал и еще помпадурой обозвал!

Но Петухов уже не слушал. Перед его внутренним взором мгновенно пронеслись кошмарные маршруты принудительно альпинизма, цистерны зря проглоченной в море соленой воды, дни солнечных самосожжений и ночи собачьих безумств.

Семен Данилович медленно встал и, не говоря ни слова, пошел к выходу. Он шел, слегка покачиваясь, не столько от выпитого вина, сколько от горя и бешенства. Выйдя из ресторана, он, не оборачиваясь, плотно прикрыл двери и бросился бежать. Он бежал, все ускоряя шаг, не обращая внимания на кусты и камни. Со свистом рассекая темноту, он несясь все дальше и быстрее по петляющему во мраке, белому ночному шоссе.

ВОСКРЕСЕНИЕ В ПОНЕДЕЛЬНИК

— Не ожидал я, товарищ Фикусов, от тебя, моего старого работника, такого непростительного легкомыслия!

Петухов с обидным сожалением посмотрел на своего заместителя и брезгливо взял со стола злополучную бумажку.

— Значит, на основании этой справки ты предлагаешь мне предоставить калькулятору Бельскому А. И. декретный отпуск и направить его в специальный дом отдыха для женщин, готовящихся стать матерями? Так?

— Но это же просто опечатка в справке, Семен Данилыч, — робко пояснил Фикусов, — явная опечатка. Это не Бельский, а Бельская. Она женщина, честное слово! Я же сам ее видел!

— Это — субъективное восприятие, — отрезал Петухов. — А передо мной официальный документ. И в нем стоит мужская фамилия!

— Вы можете сами посмотреть, — предложил Фикусов. — Она сидит в приемной. Она женщина. И по фигуре видно, что она действительно, так сказать, готовится...

— Фигура, товарищ Фикусов, не является основанием для приказа. Представь на минутку, что могло бы получиться, если бы я пошел у тебя на поводу и подписал этот приказ? Калькулятор Бельский уезжает в дом отдыха и там спокойно готовится стать матерью. Свою фигуру он увозит с собой, а справка остается в деле. Приезжает ревизор, поднимает дело, находит справку и задает мне вопрос: «На каком основании вы послали мужчину готовиться стать матерью?» Не знаю, товарищ Фикусов, как ты меня, а я бы тебя снял за такое дело!

Испуганный этой перспективой и подавленный железной логикой своего начальника, Фикусов больше не пытался оправдываться. А Петухов хоть и ценил и даже любил Фикусова за исполнительность, аккуратность и, как он говорил, «непрекословие», но на этот раз решил довести свой административный урок до конца.

— Никогда, слышишь меня, Фикусов, никогда не иди против официального документа! — строго наказывал он своему заместителю. — Ибо всегда окажется правым документ, а не ты! И бумага останется в силе, а ты погибнешь! Впрочем, я уверен, что этого больше не случится, — смягчился наконец Петухов. — Я оставляю на тебя учреждение, как на самого себя. Ты мой ученик, и я верю, что ты себя не подведешь. Но выводы из этого случая сделай.

Фикусов поблагодарил начальника за доверие, а Семен Данилович с приятным ощущением выполненного долга покинул стены своего учреждения и отбыл на три дня к берегам Ильменского озера, где, как он точно знал, уже второй день плотва шла косяком.

Посадка на пригородный поезд в этот вечер была очень тяжелой. Семен Данилович во главе группы рыболовов, держа высоко над головой снасть и тару, с трудом прорвался в вагон, отпихнув какого-то подозрительного субъекта без ведра и удочки, который долгое время терся рядом и мешал ему закрепиться на подножке.

Уже на ходу поезда Петухов не без злорадства заметил из окна, что нахальный субъект так и остался на перроне.

Следующие трое суток пронеслись незаметно. Только ранним утром в понедельник Семен Данилович Петухов очнулся от волшебного рыболовецкого сна и вернулся к будничной действительности. Возвращение это было не из приятных. На станции у железнодорожной кассы Семен Данилович обнаружил, что он потерял бумажник.

У знакомого рыболова он занял денег на обратный билет и вернулся в город несколько встревоженный. Прямо с вокзала он поехал на службу, чтобы немедленно написать и оформить соответствующие заявления о восстановлении утраченного паспорта и остальных документов.

Петухов явился к себе в контору за полчаса до звонка. В пустынной утренней канцелярии уборщица тетя Паша лавировала между тесно составленными столами с ведром и тряпкой. Увидев Петухова, она побледнела, тихо ахнула и прошептала: «Чур меня!»

Озабоченный Петухов не обратил внимания на необычность встречи и, коротко бросив: «Здравствуйте!», — прошел к своему кабинету.

Распахнув дверь в кабинет, Семен Данилович побледнел и отпрянул назад.

Перед его массивным письменным столом в двух креслах для посетителей лежали роскошные венки. На одной из лент, свесившейся через ручку кресла, Семен Данилович прочитал надпись: «С. Д. ПЕТУХОВУ ОТ БЕЗУТЕШНЫХ СОСЛУЖИВЦЕВ». На стене против двери висел его собственный фотографический портрет в раме, перевитой траурным крепом.

Под портретом за столом сидел Фикусов с опухшим от слез лицом и что-то писал.

— Что? Что это?—испуганно спросил Петухов и шагнул в кабинет.

— Я же просил не мешать,—недовольно пробурчал Фикусов и поднял глаза от бумаг; в ту же секунду он побледнел и отшатнулся к спинке кресла.

— Что это значит? — взяв себя в руки, строго потребовал ответа Петухов.— Докладывай, что здесь происходит?

Привычный начальственный тон благотворно подействовал на потрясенного Фикусова.

— Это действительно вы?—робко спросил он.

— Конечно, я! А кто же?

— Можно вас потрогать?

— Пожалуйста.

Фикусов осторожно, словно боясь обжечься, потрогал Петухова за плечо, ткнул его пальцем в грудь, потом вдруг заключил в объятия:

— Вы! Персонально! Живой! Какая неожиданная радость! Какое роковое недоразумение!

Петухов нетерпеливо высвободился из объятий своего заместителя и потребовал объяснений. Но Фикусов от радости и потрясения еще не мог придти в себя. Он протянул своему начальнику лежавшую на столе бумагу, а сам, пока Семен Данилович читал, только всплескивал руками.

Бумага, которую читал Петухов, была милицейским протоколом, официально удостоверившим факт трагической гибели гр-на Петухова Семена Даниловича, холостого, служащего, 1906 года рождения. Согласно протоколу, упомянутый гражданин в четверг 16-го числа сего месяца, в 20 часов 07 минут, поспешно выходя из помещения вокзала, был сшиблен грузовой машиной № «СЮ-32-47». Потерпевший был доставлен в ближайшую больницу, где и скончался, не приходя в сознание. Найденный при нем бумажник с деньгами и документами дал возможность немедленно установить его личность, что вследствие травм сделать иным способом было бы невозможно.

Семен Данилович тут же вспомнил подозрительного субъекта, который терся рядом с ним во время посадки в вагон, сопоставил это с пропажей бумажника—и картина его мнимой смерти стала ему совершенно ясна. По возможности кратко он изложил ее Фикусову. Когда впечатлительный заместитель наконец понял, что погиб не сам Петухов, а злоумышленник с бумажником, похищенным у Петухова, он со слезами на глазах расцеловал своего воскресшего начальника.

— А мы-то!—говорил он.—Мы-то уже приготовились вам, так сказать, последние почести отдавать! Вот закупили все, как полагается,—и он смущенно указал на необычную обстановку кабинета.

— Портрет неплохо оформили,—авторитетно похвалил Петухов.—А вот на венки поскупились сотруднички,—неодобрительно понюхал он свои надгробные цветы.—Все-таки не каждый день такой работник помирает. А как некролог?

— Вот, как раз писал, когда вы... воскресли! Просмотрите, Семен Данилович!

— Давай!

И Петухов стал читать свой некролог, по привычке делая красным карандашом на полях галочки и пометки.

— Все это в конце,— сказал он, закончив чтение,—где обращение: «Прощай, Семен! Прощай, наш дорогой Данилыч!»—по мысли неплохо, но излишне панибратски. И в начале лучше сказать не просто «ушел от нас», а «нелепая смерть вырвала из наших рядов». А в целом, товарищ Фикусов, хотелось бы, чтоб не так сухо было! Я бы про тебя похлеще написал!

Фикусов признал справедливым обвинение в некоторой суховатости некролога и автоматически обещал в дальнейшем исправить эту ошибку. Семен Данилович счел инцидент исчерпанным и собрался было занять свое рабочее место за столом, когда Фикусов неожиданно хлопнул себя по лбу и, испуганно посмотрев на Петухова, произнес:

— Гроб!

— В каком смысле гроб?—недоуменно поднял брови Семен Данилович.

— Гроб повис на балансе! Я же вам гроб заказал. И уже перечисление сделал. Как я его теперь оприходуя?—И, заметив еще не рассеявшееся недоумение начальника, Фикусов пояснил:—Если бы ваше захоронение состоялось, то этой неприятности не возникло бы, а теперь...

— А теперь,—беспечно перебил его Петухов,—похороните в нем этого потерпевшего, которого ошибочно приняли за меня,—и дело с концом!

— Как это вы так рассуждаете?—удивился Фикусов.—Гроб предназначен персонально для вас. Никого постороннего я в нем захоронить не имею права!

— Ну ладно,—решительно сказал Петухов.—Мы его просто спишем за ненадобностью. Где инвентарная ведомость? Давай я подпишу.

Фикусов замялся:

— Это будет не совсем удобно, Семен Данилыч. Ваша подпись пока недействительна.

— Почему?

— Потому, что...—Фикусов запнулся, выбирая формулировку.—Потому что, Семен Данилыч, вы пока официально не совсем живой. И в связи с этим я вас, извините, конечно, уволил с работы.

— Новое дело!—развел руками Петухов.—На каком это основании?

— На основании справки из милиции,—пояснил Фикусов.—Я вас уже отдал приказом, как усопшего...

— Тьфу, черт, вот глупость-то!—плюнул Петухов, рассерженный торопливостью своего заместителя и необходимостью тратить время на приказ о восстановлении. Не сказав больше ни слова Фикусову, он обиженно хлопнул дверью и направился прямо в кассу.

Фикусов тяжело вздохнул ему вслед и скорбно развел руками. Впрочем, он не сердился на Петухова: он делал скидку на его возбужденное состояние.

А Петухов тем временем бушевал в бухгалтерии. Кассирша, которая уже оправилась после потрясения, вызванного появлением Петухова, отказывалась выдать ему заработную плату, ссылаясь на птичку в ведомости, поставленную Фикусовым. Семену Даниловичу снова пришлось идти к своему заместителю.

— Правильно!—сказал Фикусов.—Теперь вашу заработную плату могут получить только ваши наследники.

— Сейчас же отменяй свой дурацкий приказ!—вне себя кричал Петухов.—Отменяй приказ и немедленно отдавай распоряжение о восстановлении моем на работе!

— Я бы рад, Семен Данилыч. Вы же знаете, я всей душой! Но на каком основании?

— Да какое тебе, болвану, основание нужно, когда вот он я, живой и здоровый!—бушевал Петухов. От его недавнего благодушия не осталось и следа.

— Вы только не волнуйтесь, Семен Данилыч,—мягко сказал Фикусов.—Я верю, что в дальнейшем экспертиза установит, что вы не являетесь покойником, но документ есть документ. Вы этому сами меня учили, и никто не позволит нам с вами игнорировать официальную документацию. А насчет заработной платы не беспокойтесь,—с наигранной бодростью добавил он,—пока перебьетесь как-нибудь, а восстановитесь в живых, сразу получите за несколько месяцев.

— Что же мне делать? — в отчаянье рухнул в кресло для посетителей Петухов.

— Для восстановления в живых вам нужно представить официально заверенную справку, удостоверяющую, во-первых, что покойник не вы и, во-вторых, что вы не покойник.

— Где я возьму такую справку? — нервно огрызнулся Петухов. — В милиции? Им же нужно представить отношение с места работы!

— Это, пожалуйста! Все, что от меня зависит! Любую справку!

Фикусов с готовностью придвинул к себе стопку служебных бланков и торопливо застрочил:

— «...Податель сего — т. Петухов С. Д., умерший 16-го числа сего месяца...»

— Что ж ты пишешь?! — в отчаянье закричал Семен Данилович. — Как же на основании справки о том, что я умер, мне дадут справку, что я жив? Это же невозможно! Ты им напиши, что я живой!

Фикусов, отодвинув бумаги, удивленно и даже несколько обиженно поднял глаза на Петухова:

— То есть вы хотите, чтобы я, имея справку, что вы умерли, написал, что вы живой?

Петухов встал и вытер со лба холодный пот.

— Черт с тобой! — решительно сказал он. — Пойду и возьму справку с места жительства.

— Но места жительства-то у вас нет! — в отчаянье воскликнул Фикусов.

— Как это нет? — остолбенел Петухов. — А моя квартира?

— Квартиру вашу я, разумеется, уже опечатал, — смущенно объяснил исполнительный заместитель. — И из домоводной книжечки вас, конечно, выписал. Не мог же я ведомственную площадь держать, извините, за мертвой душой! Малейшая ревизия — и я пропал!

— Я пропал... — как эхо, повторил Петухов и безвольно опустился в кресло.

Ему стало ясно, что заколдованный круг замкнулся: формально он действительно мертв, и им с Фикусовым не найти законного способа вернуть его, Петухова, в ряды живых. Но он все же сделал последнюю попытку.

— Слушай, Илья Филиппович, — почти замогильным голосом обратился он к Фикусову, — ты все-таки войди в мое положение. Ну, поставь себя на мое место.

— Как раз вам хорошо!—вздыхнул Фикусов.—Вы для всех умерли, даже для ревизоров, вы в порядке. А вот вы поставьте себя на мое место! Мне же голову снимут, если я нарушение допущу!

Фикусов снова вздохнул и горько задумался.

— Но как же мне все-таки восстановиться в живых?!—в полном отчаянии воздел руки Петухов к своему траурному портрету.—Как?!

— Я знаю, как!—вдруг радостно воскликнул его верный заместитель и даже вскочил с места.—Пишите подробное объяснение на имя начальства! Начальство—это не мы с вами. Нас с вами могут снять с работы за самоуправство. А начальство снимают за другое: начальство снимают с работы за невниманье к живому человеку. И у вас, к счастью, именно этот вопрос: к вам должны проявить внимание и признать вас живым человеком. Вот увидите, начальство даст нам команду считать вас обратно живым. Оно обязано проявить чуткость, и оно проявит ее! Начальство тоже не любит, когда его снимают.

Ободренный речью заместителя, Петухов занял свое законное место за директорским столом и начал быстро писать.

Через полтора часа подробная докладная записка на имя председателя горсовета Макарова была отправлена адресату.

Записка заканчивалась словами:

«Прошу вашего распоряжения мне и моему заместителю с сего числа полагать меня живым. После этого я смогу приступить к исполнению своих обязанностей».

Когда через час пакет привезли обратно, Петухов, дрожа от нетерпения, вырвал его из рук курьера и начал быстро листать страницы своей объемистой записки в поисках установок начальства, которые наносились обычно на полях. Резолюция Макарова была обнаружена им в самом конце, рядом с последним абзацем.

В резолюции было всего несколько слов:

«Полагать живым. Возвращаться к исполнению обязанностей не надо».

Петухов помертвел, рухнул в кресло для посетителей и вытер холодный пот траурной лентой с надписью: «С. Д. Петухову от безутешных сослуживцев».

СОДЕРЖАНИЕ

Бумеранг	3
Синяя птичка	9
«К нам приехал ревизор!»	16
Фонтан	25
Курортное увлечение	31
Воскресение в понедельник	40

Редактор — Г. ЯРЦЕВ.

Формат бумаги $70 \times 108\frac{1}{2}$
0,75 бум. л.— 2,05 печ. л.

А 00639, Подп. к печ. 24/III 1954 г.

Изд. № 253. Тираж 150 000.

Заказ 553.

Типография газеты «Правда»
имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 60 коп.